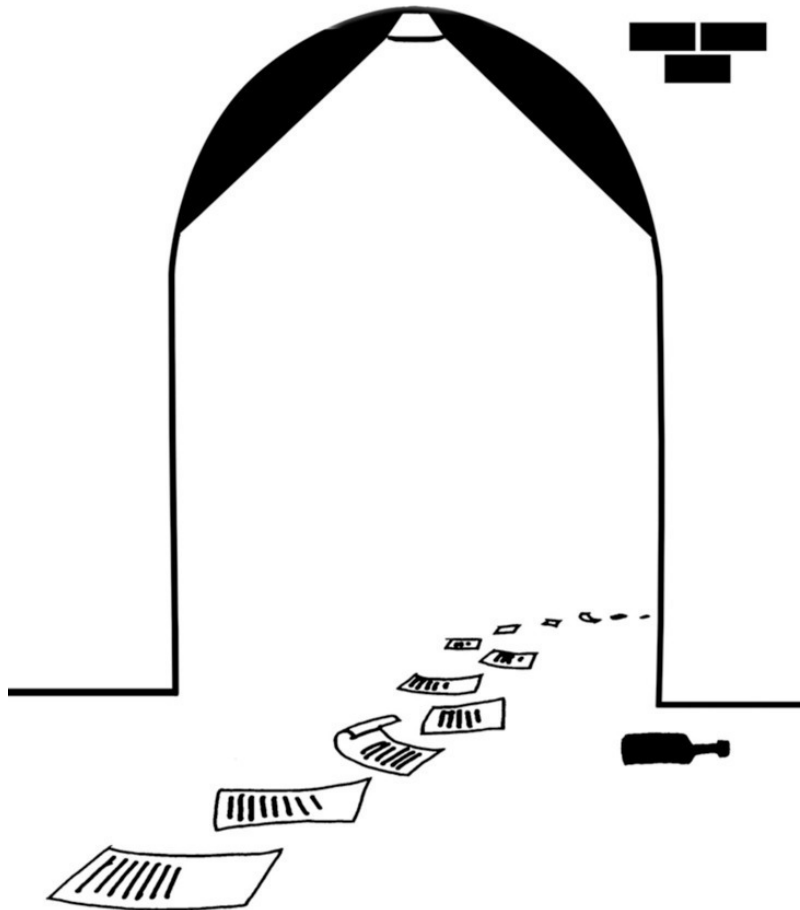

Дмитрий Колпаков

ВЕТЕР СТИХ

Дмитрий Колпаков

Ветер Стих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48417194

ISBN 9785005059567

Аннотация

Сборник стихов и песен, написанных для рок-группы «Тяжёлое время» и ВИА «Вино». Хорей под гитарные рифы, ямб под барабанную дробь. Смешно и грустно.

Ветер Стих

Дмитрий Колпаков

Дизайнер обложки Рим Амирович Шарафутдинов

© Дмитрий Колпаков, 2019

© Рим Амирович Шарафутдинов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5956-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я известный поэт.
В очень узких кругах.
Сколько зим, сколько лет.
В рифмах, словно в долгах.

Сколько лет, сколько зим.
Я кропаю стишки.
И занятием сим.
Покрываю грешки.

Водку, пиво и ром.
И любовь чужих жен.
И похмельный синдром.
И что лез на рожон.

С музыкантом дружу.
С уркаганом знаком.
Коль в тюрьму угожу.
Оправдаюсь стихом.

Не крутой и не лох.
Не в толпе, не в строю.
И не так уж я плох.
От людей узнаю.

Только время течет.
И уверен я в том,
Звезду не наречет
В мою честь астроном.

Не заплачет страна,
Что ушел на заре.
Хорошо хоть шпана
Помянёт во дворе.

Порастет все быльем.
Поутихнет братва.
Но на доме моем.
Не увидишь слова.

Что здесь столько то лет,
В рифмах, словно в долгах,
Жил известный поэт,

В скобках: в узких кругах

28. 04. 05.

Я старый год сегодня схоронил,
Шел крупный снег. Не обманули сводки.
Вполголоса молитву пробубнил,
И помянул стаканом теплой водки.

А после, по Есенински красив,
По Пушкински нелеп и безобразен.
Пошел туда, где выпив, закусив,
Шумел и веселился зимний праздник.

И в том шалмане сутки зависал.
Смирившись с настоящим как с погодой.
Лишь в память на салфетке написал.
Вот этот реквием по умершему году.

31. 12. 89.

Как легко, как банально, как просто.
Мне с уставом, шаблоном и ГОСТом.
Вот еще один день девяностого.
Схоронил я во мраке погоста.

Сижу, и взглядом диковатым,
Смотрю в зеркальное стекло,
А на меня устало, зло
Глядел оттуда лик помятый.
Себя в котором узнаю.
И мне становится тоскливо
От невеселого мотива,
Что ломит голову мою.
И я с трудом припоминаю
Дурное, пьяное вчера,
Где кто-то весело орал,
Метель ночную заглушая.
Да, было весело вчера.
Сейчас же нет того веселья.
Лишь новогоднее похмелье,
Да рваный ветер со двора.

01. 01. 90.

А. Загирову.

Он спал, укрывшись с головой,
Отгородившись от всего,
Непроницаемой стеной,
И не тревожили его
Ни бег минут, ни шаг часов,
Ни проза повседневных слов.
Вдруг, в дверь звонок,
По телу ток.

Забилось сердце учащенно,
И прокряхтевши обреченно,
Не глядя в мутный глаз-глазок,
Он отворил тугую дверь.
Сквозняк ворвался словно зверь,
И душу холодом обдал,
Пока он взглядом вопрошал
Девчонку лет семнадцати.
– Привет! Мне можно к вам войти?
– Привет, – отвечивал он хмуро, —
Вы верно за макулатурой?
К ее щекам прилила кровь.
– Я к вам, меня зовут Любовь.
И чуть смущенная улыбка.
– Я к вам, здесь, право нет ошибки.
– Послушай, девочка моя.
Не тот кто тебе нужен – я.
С тобой шутить желанья нет,
Пока, родителям привет!
И удивленные глаза
Захлопнул дверью, и назад
В остывшую уже постель.
И вскоре в снах забылся вновь.
На улице мела метель,
В подъезде плакала любовь.

17. 11. 90.

Шли куда-то часы
По холодной стене.
И от звездной росы
Было тесно в окне.

С крыши слезы текли,
По ушедшим вдруг дням.
Мысли в косы сплелись
В голове у меня.

И лежал я без сна,
Ощущая свой груз.
В подворотне весна
Пела мартовский блюз.

05. 03. 90.

Когда проклянется весна,
Сквозь толщу снежной скорлупы,
И сбросит надоевший сон.
Пройдет по улице Она,
И в стиснутых тисках толпы
Увидит... это будет Он.

Вот так вот сказка началась.
Гулял по тротуару кот.
На лист мелодия лилась,
Ручьями зазвеневших нот.

Он и Она, Она и Он.
Какой банальнейший расклад.
Но что-то билось в унисон.
И расцветал замерзший сад.

Затихни мир, не надо слов.
Где говорят одни глаза.
Любила первая любовь.
Грозилась первая гроза.

Они пошли по мостовой.
Не торопясь, издалека.
Как сладко дышится весной,
И как сама весна сладка.

Переливался и блестел.
Небесно-звездный знак Весы.
Скупой восход им руки грел,
Но счастья коротки часы.

Любовь и смерть, смерть и любовь.
Как театрален был финал,
Но настоящей была кровь.
Как жаль, не понял это зал.

Дней через сто придет весна.
Сквозь толщу снежной скорлупы,
Я вновь услышу ее звон.

Но не появится Она,
И из ушедшей вдаль толпы
Не улыбнется больше Он.

Уфа. Тысяча девятьсот девяностый.
Пыльный июль разомлел от жары.
Свадьба до загса, покойник к погосту,
Очередь к пиву, шпана во дворы.

Я же подальше от спекшихся мыслей,
Образов, лиц, аллегорий и снов.
В каменной бочке мозги мои скисли.
Мне не достать из нее свежих слов.

Мятый асфальт в радиации солнца,
Мстит каблукам за разбитый покров.
Дом – ветхий айсберг пялит оконца
В реки дорог и озера дворов.

Улочки, улицы, серые площади
Смяли пространство стальной теснотой.
Бронзовый дядя на бронзовой лошади
Машет кому-то усталой рукой.

Может быть мне, только нет вдохновенья.
В голову лезет толпой ерунда.
Что-то ушло, и в беспечном движении,

Я не заметил, что и куда.

– Угостите сигаретой, —
Кареглазая девчонка.
Может Лена, может Света.
А быть может и Аленка.

Неспешна поразминала
Даровую сигарету.
Может Таня, может Алла,
А быть может Виолетта.

Грациозно прикурила.
Затянулась дымом вволю.
Может Вика, может Мила,
А быть может даже Оля.

И ушла, а я остался,
Получив лишь «до свиданья».
Долго у Невы шатался
То ли Дима, то ли Ваня.

04. 08. 90. Санкт-Петербург.

Вот завод. Его выстроил зек.
А вот я. Меня выстрогал Батя.

Вкруговую пускаю «Казбек»,
Спрятав душу в помятом халате.

А напротив сидит сам Христос.
Говорит что-то в общих чертах.
Руки в шрамах и сломанный нос.
Будто только что сняли с креста.

Рассыпается прерванный сон,
Превращая действительность в бред.
А в проемах замерзших окон,
Жег свечу недоспавший рассвет.

И дышала на ладан зима,
Догоняясь последним морозом.
Мне понятна старушка весьма.
Что стихи? Когда вот она, проза.

Вот работа бурлит и кипит,
Но, увы, я у ней не во власти.
Кроет матом своих Маргарит,
Вечно включенный мученик Мастер.

Мне же хочется вытравить снег,
И рвануться туда, где есть ты,
Но горячий наездник «Казбек»

Топит в дымке пустые мечты.

А Христос все сидит и кряхтит,
Что вся жизнь плохо сыгранный блеф.
Не поняв, что на деле болит,
Предлагает дерябнуть БФ.

17. 02. 91.

Город, ночь, обрывки снов,
Догорающее лето.
Дом, диван-кровать, окно,
Я с зажженной сигаретой.

Форточка глотает дым,
Звезды тусклые мигают.
Псом, бездомным и седым,
Тишина тревожно лает.

Свет луны – скупой плевков
В темноту и серость ночи.
Сигаретный огонек
Снова пальцы мне щекочет.

Закурил еще одну.
Задымился, замерцал.
Все спало, отдавшись сну,
Только я дурак не спал.

28. 09. 92.

Я многого хотел когда хотелось,
Но так немного получилось у меня.
Я сочинял стихи, когда мне пелось,
Когда не пелось, их не сочинял.

Я не желал чужих волов с ослами,
Не лез с любовью к ближнего жене,
Но правда пил то залпом, то глотками,
И колобродил в сонной тишине.

А в общем вел себя достаточно примерно.
Любил свой храм похожий на сарай.
Короче, был простым веселым смертным.
За все за это хорошо бы в рай.

07. 10. 92.

И это было хорошо.
Как хорошо, что это было.
И снег просыпавший свой шелк.
И ночь пролившая чернила.

Палитра зимней чистоты.
Январь, дурной сюрреалист.

Нанесший странные черты.
На выцветший оконный лист.

И закружила, понесла,
Рифм налетевшая метель.
Вставай, ты снова проспала,
Оставь нагретую постель.

Полночный чай при свете звезд,
Стихи сквозь вспышки сигарет.
В твоих глазах застыл вопрос,
В моих словах ища ответ.

Но нет его, есть только мы,
За разрисованным окном,
Да милицейский свист зимы,
Что загнала нас в этот дом.

В котором можно подождать
Звонка вернувшейся весны.
Давай докуривай, и спать,
Нас ждут с тобой цветные сны.

А где-то пел охрипший волк,
А кто-то пил на посошок,
А снег все шел и сыпал шелк,
И это было хорошо.

Бродяги менестрели.
Скитальцы трубадуры.
Опять вы не допели,
И умерли вдруг сдуру.

Скандальные ребята,
Не певшие с листов.
Вы до сих пор не сняты
С разохшихся крестов.

Я знаю, что они не пожалеют.
Я знаю, что она не станет сохнуть.
Когда в один из дней потяжелее.
Возьму я просто-напросто и сдохну.

Весна не станет лютою зимою,
Цепные псы от горя не забрешут.
Когда я в ванной вены себе вскрою.
Когда на кухне я себя повешу.

Я знаю, что они не пожалеют.
Я знаю, что она не станет сохнуть.
Все потому, что раньше околеют,

Все потому, что раньше меня сдохнут.

19.07. 93.

Не греет ни пальто и ни любовь.
Иду как бес, расхристан и расхлябан.
Мадмуазель, не поднимайте бровь,
Всему виной нагрывнувший декабрь.

Мой плач по лету – песня о зиме,
Хоть равнодушен я к этой блондинке.
В ее объятьях, я как зек в тюрьме.
Как пули в спину, мне ее снежинки.

Она пришла, наставила столбы,
Сама себе свои сыграла марши.
Ее сугробы будто бы гробы
Для вышедших и без вести пропавших.

А впрочем, это не ее вина,
Что родилась захватчиком-солдатом.
Мадмуазель, давай возьмем вина.
Забудем зиму, у меня здесь хата.

18. 12. 93.

Смотрите, как она идет.

Смотрите, как идет.

Ей гололед не гололед,
Народ ей не народ.

Какая масть, какая статья.
Эй, расступись толпа.
На вас на всех ей наплевать.
У ней своя тропа.

От Бога с чертом что-то есть.
Такую бы любить.
Но, честно говоря не здесь
Ей надо бы ходить.

И все-таки она идет,
Хоть это не Бродвей.
И к нам с тобой не подойдет,
Так, что давай-ка пей.

Тары-бары-растобары,
Я приемщик стеклотары.
И башкиры и татары
Знают юного меня.
С дерзким взглядом,
С сердцем пылким,

Принимаю я бутылки,
Потный, словно из парилки,
Злой как сотня сатанят.
Валят толпами в приемку
Мишки, Вовки, Леньки, Ромки,
Ольги, Светки, Розки, Томки...
Для чего? А для того!
Мусора, бичи-сидельцы,
Тунеядцы и умельцы.
Не заглядывал лишь Ельцин,
Да и хрен бы на него.

Далекий зов кукушки напрасно прозвучал,
Ведь в наши дни перевелись поэты.

Мацуо Басё.

Далекий зов кукушки напрасно прозвучал,
Ведь в наши дни перевелись поэты.
Мой загнанный Пегас среди травы упал,
И я прочел над ним японские сонеты.

Где гордый самурай, чтоб меч свой одолжил?
Я бы вспорол живот, и в общем всё на этом.

Хотя, наверно вру, не хватает духу, сил,
И этот парень прав – перевелись поэты!..

Р. Шарафутдинову.

Весна борзееет день ото дня,
Весна раскидывает рамсы.
Я пол-бутылки отдал за коня,
Чтоб не догнали апрельские псы.

А солнце било в лицо лучом.
Ожившие мухи влетали в глаза.
А я горбунка крыл крученым бичом.
Все были против, плевать, я был за.

Зелень листвы заслоняла просвет,
Подковы точила и грызла вода.
Всё ухмыляясь кричало мне «нет»,
Но я все же верил, что «нет» – «да».

Но конь захрапел, подскользнулся, упал.
Псы, словно суки, вцепились в бока.
Зря все же я пол-бутылки отдал,
Думал я глядя в ненужный бокал.

А всюду валялись друг друга тесня,
Весною раскиданные рамсы.
Она улыбалась, коня и меня
Уже дожирали апрельские псы.

Жили не тужили, было вольным племя.
Только налетело вдруг лихое время.
И пошло куражить в хуторах, станицах.
Был журавль в небе, а в руках синица.

Но вот в этой буче все вокруг заглохло.
Улетел журавль, а синица сдохла.
Кто наглей – прорвались, кто смирей – остались.
Пьяные поэты из окон бросались.

Наплевав на Бога, недоделав дело,
Заставляли душу расставаться с телом.
По дорогам пыльным больше не скитаться.
Два стакана горькой. Прощевайте, братцы!

А кто мыслью проще и в плечах пошире,
Подались в бригады, дважды два – четыре.
Погуляли с шумной дракой в воскресенье.

В понедельник стали для стволов мишенью.

И мне стало грустно, захотелось плакать.
Страх вцепился в горло боевой собакой.
Я пошел куда-то через камни, кочки.
Старая тетрадка, выцветшие строчки.

Пустота в карманах, на щеках щетина.
Хохотало время дурачком мне в спину.

16. 11. 98.

Осенний полдень. Сыро, грязно.
Охота граммов сто принять.
Но я на службе, я обязан
Больницу психов охранять.

И охранять ее мне сутки,
А по периметру двора
Снуют медсестры-проститутки
И наркоманы доктора.

Куда ж вы мимо, заходили б,
Охране подняли настрой.
Мы с доктором косяк забили б,
И полюбились с медсестрой.

Но нет, мне не видать халявы.

Нет в жизни счастья ни хрена.
И, насмехаясь, псих слюнявый
Мне рожи корчит из окна.

29. 09. 99.

Светлане.

Не смотри так на меня, моя Радость.
Хоть одет и при деньгах, ты не верь.
В голове моей дурной зреет гадость.
А в душе моей больной дремлет зверь.

Ты не верь моим словам, мое Солнце.
Я такое наплету, ошалеть!
Не шепчи ты мне про спальни оконце,
Про ночник, что будет знаком гореть.

Для меня стакан вдогонку – потеха.
Я в окно твое залезу легко.
Вот тогда вам будет всем не до смеха.
Вот тогда вам станет всем охо-хо.

Но слова мои, как видно впустую.
В никуда предупредительный крик.
Я за водкой, говори, взять какую.
Ну а ты беги, зажги свой ночник.

1999.

Ура! Год две тыщи,
Ты все же пришел.
Похмельным и нищим
Меня ты нашел.

Ну что ты скривился?
Не с той встал ноги?
Да, каюсь, напился,
Рублем помощи.

Предшественник твой
До чего ж был удал,
Придирчивый, злой,
Все швырял и кидал.

То драка, то пьянка,
Все дни как братья.
Статья-хулиганка.
Дурная статья.

И вроде платил,
Но счета вновь и вновь.
Два раза любил,
Только где та любовь.

Однажды я занял,

Да и не отдал.
Неслись мои сани,
Их черт погонял.

Вот так год и сжег,
Словно ветку в костре.
Никто не помог
Мне рублем на заре.

Стрелецкое утро.
Как странно – живой.
Главу Кама сутры
Прочли мы с тобой.

Эй, Ева, подъем!
Одевайся, пошли.
Уверен найдем
Тех кто не на мели.

Поспорим с судьбою,
Прожили лишь треть.
Еще нам с тобою
Не время сгореть.

2000.

То ли петь и веселиться,
То ли плакать, материться,
Промелькнуло время птицей,

Глядь, а мне уже за тридцать.

То ли с радости напиться,
То ли с горя удавиться,
Так на что же мне решиться?
Вот дилемма, ламца-дрица.

2000.

Не просил он что-то запредельного,
Но лежит теперь в могиле узкой.
Люди! Не давать взаймы похмельному —
Не по-христиански это, не по-русски.

17. 07. 03.

А. (Бреду) Матвееву.

Опять отчебучил ты номер.
Бродяга меж Вестом и Остом.
На этот раз взял да и помер.
Как так? Да вот так. Очень просто.

Прохожий меж Зюйдом и Нордом.
Теперь, брат, ни спеть, и не выпить.
Хрипенье минорных аккордов,
Да хохот кладбищенской выпи.

Прощай, ну а мы разбанкуем,
И примем на грудь алкоголя.
И даже чуть-чуть попанкуем,
И даже чуть порок-н-роллим.

2003.

Вике.

Были у волка ноги,
Воля была у волка.
Были четыре дороги.
Если бы не двустволка.

Хлесткий заряд картечи.
То-то стрелки были рады.
Махом одним искалечил.
Хищную жизнь из засады.

Псы да капканы с отравой
Сроду бродягу не брали.
Надо ж, попался в облаву,
Надо же, обфлажковали.

И насладившись стрельбою,

Плотным кольцом окружили.
Кинулись пьяной гурьбою.
Связанного положили.

Как ни рычал, не добили,
Видно для злобной потехи,
Зверя на цепь посадили.
«Все, отгулял свое, не хер»...

Будет на славу забава,
Будет чем хвастать, хвалиться.
А из далекой дубравы
Коротко взвыла волчица.

Только не вышел их номер.
Цирка у них не случилось.
Взял он на утро и помер,
Волчья звезда закатилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.